

ВРЕДНО БЫТЬ БОГОМ

Чем дольше живешь — тем сильнее начинаешь чувствовать благодарность тем, кто помог тебе, когда ты был молод.

Может быть, поэтому — во всяком случае, отчасти поэтому — я пишу этот небольшой текст не к юбилею того, о ком пишу, а в год моего собственного семидесятилетия.

К сожалению, по горячим следам, в молодости, чужая поддержка то ли почти не ощущается, то ли воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Возможно, как продолжение еще памятной родительской заботы. Я же такой умный и обаятельный, такой работающий и старательный — разве можно этого не оценить? Только много позже, частенько — когда уже некому сказать «спасибо», начинаешь осознавать, что именно все эти замечательные качества способны подвигнуть окружающих скорее не на то, чтобы, как выразился один из персонажей «Щита и меча», протянуть тебе руку, а на то, чтобы подставить тебе ногу. Из читанных в отрочестве книг мы, конечно, знаем о том, что в мире существуют нечестные, неумные, завистливые, злорадные, трусливые, спесивые люди, но в реальности не очень-то верим в их существование, во всяком случае, в существование их в нашем непосредственном окружении; они для нас что-то вроде Бармалея. Только годам к тридцати, набив положенное растущему организму количество шишек и синяков на душе и теле, можно по-настоящему прочувствовать, что фея-крестная — куда более сказочный персонаж, чем злая мачеха и ее дочурки.

И вот именно по мере того, как до тебя это доходит, растет твоя благодарность тем, кто оказался для тебя все-таки феей.

Мой научный руководитель в аспирантскую пору, великий русский востоковед Евгений Иванович Кычанов родился в Сарапуле 22 июня 1932 года. Девятью годами позже очередные двенадцать языцев, на сей раз с Гитлером во главе, вломились в нашу страну именно в этот день, и из-за них Евгению Ивановичу в течение многих десятилетий невозможно было открыто — и тем более официально — праздновать свой день рождения в день своего рождения.

Не могу не вспомнить, как неумоимо наши прогрессивные историки подсчитывали количество германских и советских потерь, чтобы, сравнив, удовлетворенно потереть ладошки: бездарный Сталин немцев трупами завалил. Как будто все эти сотни и сотни тысяч итальянцев, румын, мадьяр, финнов, испанцев, французов, чехов, словаков, голландцев и прочей околофашистской мрази тут только цветы собирали...

Но это к слову.

Впервые я стал ходить в библиотеку нашего питерского отделения Института востоковедения Академии наук — ныне самостоятельный Институт восточных рукописей РАН — на четвертом курсе. В то время студентов-синологов ориентировали больше на перипетии становления Компартии Китая да на критику маоизма, а я темами курсовых и диплома ухитрился выклянчить все ж таки девятнадцатый век, истинный им-

Вячеслав Михайлович Рыбаков родился в 1954 году в Ленинграде. Окончил восточный факультет ЛГУ, работает в Институте восточных рукописей, доктор исторических наук. Прозаик, публицист, киносценарист. Лауреат нескольких литературных премий и Государственной премии РСФСР по кинематографии. Живет в Санкт-Петербурге.

перский Китай, хоть и на закате. Нужные мне книжки оказались только в достославном ЛО ИВ АНе, как сокращенно звался в ту пору институт.

Тогдашняя сотрудница библиотеки Изольда Эмильевна Циперович, сама прекрасный китаист, видимо, приметила, сколько времени я проводил в читальном зале, изучая книги отнюдь не студенческого набора, и, когда в 1976 году подошел урочный час моих выпускных экзаменов, познакомила меня с Кычановым. То есть просто привела к нему в маленький отдельный кабинетик, который он занимал как заместитель директора института, да сказала пару теплых слов. И после нескольких собеседований Кычанов сам предложил мне попробовать поступить к нему в аспирантуру, а там на материале уголовного кодекса танской династии «Тан люй шу и» заняться темой «Правовое положение чиновничества при династии Тан».

Как он угадал? Как сработала его поразительная интуиция? Да, исследования китайского традиционного права в те годы еще только начинались, были в зачаточном состоянии, и надлежало срочно латать эту брешь в тематике российского (тогда — советского) китаеведения, но... Чиновники! Эта была тема на всю жизнь.

Я возвращался домой после беседы с моим будущим учителем, и сердце у меня пело от сладостного предвкушения. Уже тогда я соображал или, скорее, чувствовал, что бюрократия — это не только про средневековый Китай. Рожденный в СССР, я отлично понимал, что и моя страна тоже управляется громадной бюрократической машиной, и управляется не очень, мягко говоря, хорошо, ибо бюрократия раздута, раскормлена и неэффективна. Многие века успешного, хотя, разумеется, далеко не беспроблемного существования Китая уже тогда наводили на мысль, что там как-то научились повышать эффективность и добросовестность своих управленческих кадров. И мной овладела совершенно детская мечта открыть в китайской истории их китайский секрет, который затем поднести на блюдечке с голубой каемочкой Отчизне, и тогда жизнь наша изменится к лучшему, потому что управленческая машина заработает, как работала в первые десятилетия каждого успешного династийного цикла в Поднебесной.

Мечта была детской, однако, похоже, именно теперь, десятилетия спустя, я начинаю понемножку ее осуществлять...¹

Но тогда, осенью 1976-го, решилось все в одночасье — короткой фразой будущего руководителя моей диссертации: «А тема у тебя будет такая...»

Можно очень по-разному вспоминать о Евгении Ивановиче.

Можно, например, вспомнить его стиль руководства.

Теперь я понимаю, что оно было как воздух. Пока воздуха хватает и он чист — ты его и не замечаешь вовсе, дышишь себе, делаешь, что хочешь, и летишь вперед, если тебе это интересно и ты на это способен. О воздухе вспоминаешь, только когда начинаешь задыхаться.

Поначалу раз, а то и два в неделю мы с руководителем вместе сидели над текстом тогда еще едва понимаемого, не паханного у нас в стране никем Танского уголовного кодекса, и Кычанов учил меня тому, что успел к тому времени понять в нем сам. Потом я нашел в библиотеке института рекомендованный опять-таки самим же Кычановым микрофильм докторской диссертации американского синолога Уоллеса Джонсона, которую он защитил по переводу первых трех глав «Тан люй шу и» — в Штатах исследования китайского традиционного права тогда тоже еще только начинались. И я стал просиживать за аппаратом для чтения микрофильмов буквально с рассвета до заката, пришлось даже выклянчить у пожарной охраны института разрешение работать вечерами, после окончания рабочего дня; кстати сказать, без помощи Кычанова такое разрешение я вряд ли бы получил. Буквально пофразно, пословно я сравнивал китайский

¹ См., напр.: Рыбаков В. М. Образ желанного мира и бюрократия // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 4. С. 22–43.

текст и его английский перевод, где-то хлопал себя по лбу («как же это я сам не догадался!» или «так вот же что оно значит!»), кое-где недоверчиво крутил носом — главным образом по поводу модернизаций, уже тогда казавшихся мне недопустимыми; скажем, иероглиф в тексте значит «ответ закона на такое-то действие должен быть таким-то и таким-то» (исначальный смысл иероглифа — эхо), а у американца он переведен как «имеет право» (have a right). Это в средневековом-то Китае! И одновременно — уже начал как-то анализировать прочитанное, набрасывать свои соображения... К руководителю я ходить совсем перестал. Недели две Кычанов терпел, потом забеспокоился — заподозрил, что я бью баклуши. Настоятельно пригласил отчитаться. И я принес ему свою первую статью. Он прочитал и сказал только: «Ну, работай, а если что-то понадобится — заходи».

Или вот несколькими годами позже, буквально накануне предварительного обсуждения моей кандидатской. В ту пору я уже и писанием литературных трудов занимался, причем, как водилось в 80-х годах прошлого века, инфантильно вольнодумных. И конечно, давал читать всем друзьям и знакомым. Кто-то из них, может быть, и не один — не утерпел. Потом, судя по обмолвкам беседовавших со мной сотрудников КГБ, я подумал даже, что в «телеге» повесть была представлена куда более крамольной, чем на самом деле. Я тогда подумал, что донос мог накатать человек, вообще текста не видевший, опиравшийся, скажем, на пересказ. Кто-то из моих приятелей, гордый тем, что читал рукопись, в дружеской беседе излагал, набивая цену уже самому себе: «Ну, Рыбаков их приложил! Ну там такое!..» А уж один из слушателей дал делу ход. Возможно. Я так думаю, потому что, как мне показалось во время бесед, чекисты были явно разочарованы: антисоветский градус оказался слабоват, слабее ожидаемого. Но это было позже, а началось с того, что Евгений Иванович вдруг поймал меня в коридоре института и в лоб сказал: «Говорят, у тебя антисоветская повесть есть, а я и возразить не могу. Дай посмотреть». Через несколько дней вернул, пробурчав нечто вроде: «Совсем с ума посходили... Ну теперь если спросят, отвечу: читал и ни черта крамолы не обнаружил...»

Сколько мужества от него затем потребовал простой ответ «не обнаружил», и сколько раз, в каких вариантах ему пришлось его произносить, в каких инстанциях и для кого, он мне не говорил, и я этого не узнаю уже никогда. Но защитить свою диссертацию — опять-таки с его помощью, по его рекомендации — я на всякий случай смог подалее от райотдела питерской Конторы (который, чтобы два раза не вставать, в конце концов мою повесть все же конфисковал), в Москве, на ученом совете, которым руководил тогда Ким Владимирович Малаховский.

А можно вспоминать сугубо бытовые детали.

Скажем, где-то в конце первой половины 80-х, в начале лета, получилось так, что почти одновременно защитили кандидатские диссертации сразу два наших талантливых аспиранта. И на квартире одной из сотрудниц был по тогдашней практике устроен роскошный сабантуй. В ту пору институт был единым маленьким самостоятельным мирком, там не только работали, там жили, взаимодействовали, выросли, там складывались и распались товарищеские и романтические отношения... Конечно, без общих праздников такая жизнь не могла обойтись. А общие праздники — это, помимо прочего, и общие возлияния. Помню, вдвоем с товарищем и коллегой мы, как сотрудники наиболее молодые и проверенные, обеспечивали спиртное; на такси, за ее неподъемностью, привезли на праздник характерно позвякивавшую здоровенную сумку напитков, и долго потом все смеялись, эта легенда жила в институте годами, потому что на счетчике, когда машина остановилась у подъезда, было ровно 3,62 — цена тогдашней пол-литры...

Потом я проводил Евгения Ивановича до дому, мы оба были навеселе, но, клянусь, не критично и не катастрофично. Это в 90-х, когда россиян поголовно, невзирая

на профессии и таланты, принялись травить водкой «Распутин», спиртом «Роял» и прочими дарами высшей цивилизации, праздники выродились в пьянки, и, увы, не все мои коллеги смогли выжить во время этой химической атаки. В пору моей молодости такого еще не было и не могло быть, все хотели общаться, веселиться, шутить и подтрунивать, флиртовать, в конце концов, а не завивать русское горе импортной веревочкой. Однако когда мы поднялись к учителю в квартиру, его супруга, решив, что это именно я его напоил и вот попался ей наконец под руку, накинулась на меня, как на последнего злодея и погубителя. И я, ошеломленно скатившись с лестницы на улицу, подумал тогда, что она его очень любит...

Хотелось бы сказать и о другом, совсем небытовом. О чем совершенно не принято говорить.

Году этак в 1982-м — не помню, в каком контексте — один из старших коллег, сам блестящий ученый, вдруг огорошил меня фразой: «Пример вашего учителя, Слава, показывает, что не боги горшки обжигают».

Кого же он полагал богами?

О, я отлично понимаю, в чем критерий. И уже тогда понимал.

Помню, лет двадцать назад на одной из встреч со своими читателями я упомянул, что в детстве, еще до школы, в деревне в деревянном корыте рубил лопатой крапиву для бабушкиных утят. И как это было смешно: мелкое крошево попадало мне на штаны, и когда мама-утка приводила свой выводок с речки домой, голодные мягкие комочки своими клювиками меня едва не раздевали, выщипывая травинки из штанин и стараясь стащить их к себе вниз, на землю, чтобы удобней было подкрепляться после трудового дня. Ведущий встречи, петербуржец то ли в пятом, то в шестом поколении, во всяком случае с царских еще времен, вскоре не преминул заметить, породисто грассируя «р»: «Не всем выпало счастье в детстве задавать отруби пороссятам...» За какую-то четверть часа он никак не мог забыть, что именно я сказал, и перепутать пороссят с утятами. То была сознательная и не очень-то добрая ирония. Мол, это ваш уровень — «Свинарка и пастух». А наш уровень, уровень настоящих интеллигентов — ну, скажем, «Жертвоприношение». Или на худой конец «Скорбное бесчувствие».

А ведь Евгений Иванович провинился еще пуще. В детстве он пас гусей! И рассказывал об этом с удовольствием.

А когда я поступил в аспирантуру, он был заместителем директора по науке. На общественных началах, насколько я помню. Ведь ни единицы такой, ни ставки в штатном расписании института не было. Волок всю институтскую текучку просто так. Потому что кто-то же должен. И еще потому что, как он однажды проговорился, иначе было не пробиться.

Не имею на сей счет никаких достоверных данных, но сильно подозреваю, что именно многолетним, явно систематическим усилиям кого-то из московских богов мы обязаны тем, что Евгений Иванович, опубликовав более трех сотен научных работ, будучи почетным членом венгерского Общества востоковедов имени Чома де Кереша, почетным профессором университета Нинся и университета Ланьчжоу в Китае, почетным членом Центра по изучению государства тангутов при Академии общественных наук КНР, умер, так и не став российским хотя бы членкором.

Зато он оставил целую библиотеку нестареющих книг, и строго научных, и научно-популярных, но равно фундаментальных.

Зато он оставил целый сонм учеников, которые сами стали далеко не последними людьми в науке. И я вовсе не себя имею в виду, поверьте.

Пасти в детстве гусей — отличная прививка от божественности.

Потому что в начале было дело.